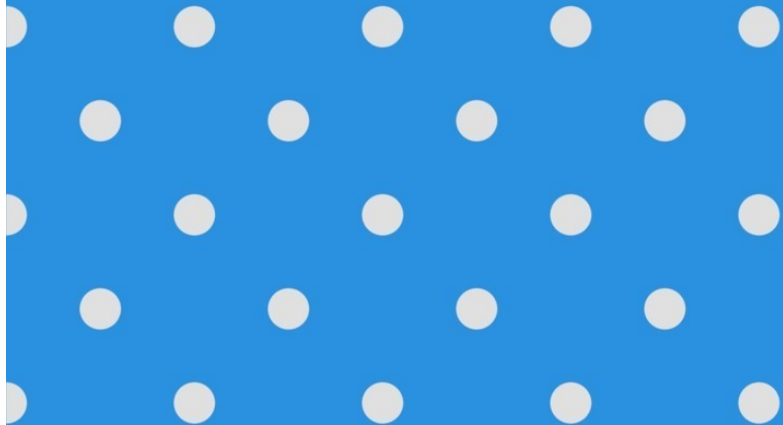

Ольга Михайловна Хан

Дом для судьбы

Мечты! Мечты! Где ваша сладость?

Ольга Михайловна Хан
Дом для судьбы. Мечты!
Мечты! Где ваша сладость?

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43202235

ISBN 9785005012111

Аннотация

Героиня книги Таня ищет ответ на вопрос, существует ли судьба и где она находится? Почему ей не везёт в жизни, и что нужно сделать, чтобы это изменить? Найдёт ли она ответы на свои вопросы, и добьётся ли желаемого?

Содержание

1	6
2	10
3	13
4	18
5	22
6	30
7	33
8	37
9	42
10	46
11	48
12	50
13	52
14	54
15	59
16	63
17	68
18	74
19	76
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Дом для судьбы Мечты! Мечты! Где ваша сладость?

Ольга Михайловна Хан

© Ольга Михайловна Хан, 2019

ISBN 978-5-0050-1211-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ольга Хан

Дом

для Судьбы

Однажды гости Нильса Бора, увидев на дереве прибитую подкову, спросили: «Неужели вы верите в то, что подкова приносит счастье?» «Что вы, конечно нет! Как я, физик, могу в это верить? Но, видите ли, подкова приносит счастье независимо от того, верим мы в это, или нет»

Нильс Бор. Датский физик-теоретик.

1. Мечты! Мечты! Где ваша сладость?

1

Они гуляли в весеннем лесу, вдыхая запах молодой листвы и пробившейся травки. Солнечный свет, просачивался между кронами деревьев, падал на лица девушки и парня, то озаряя их, то пряча в загадочную тень. Дима сказал, что знает место, где растёт сон-трава. Сейчас было время её цветения, и Таня захотела нарвать цветов. – Танюша, смотри, какая красивая птичка! – Где? – Вон там, на ветке. Видишь? Таня посмотрела вверх, куда указывал Дима, а он, быстро наклонившись, её поцеловал. Через несколько минут он снова указал ей на клочок неба, видневшийся между деревьями. – Смотри, какая интересная тучка. Правда, похожа на медвежонка? Таня снова подняла лицо, вглядываясь ввысь, и её настиг следующий поцелуй. Эта игра продолжалась пока они не вышли на полянку, где росла сон-трава. Таня наклонилась и стала бережно срывать цветочки. Дима присел на корточки рядом, и его рука накрыла её руку. – Танюшка, мне завтра в командировку. – Надолго? – Как минимум, месяца на два. – Тебя так долго не будет, – разочарованно протянула Таня. – Будешь ждать? – Конечно, буду. – Точно? – Точно. Они выпрямились, и Дима снова поцеловал подружку.

Собрав небольшой букетик загадочных весенних цветов, они пошли назад, к автобусной остановке. И, пока выходили из леса к шоссе, парень целовал девушку уже без всяких уло-

вок, а потом положил руку ей на плечи, и слегка прижимая к себе, запел. А она, прижимая цветы к сердцу, счастливо улыбаясь, шла рядом. Водители проезжающих мимо машин сигналили им и махали руками, не в силах остаться равнодушными к их счастью, которое светилось в их глазах, сияло в их улыбках, звенело в пении парня.

Дима уехал и Таня, отработав неделю на заводе, куда она устроилась по окончании школы, поехала в родное село проведать родителей и подругу, с которой дружила с малых лет.

Наташа была дома, и не одна. К ней приехали девчонки, с которыми она училась на кулинара, и её соседка Маруся. Они хорошо знали друг друга. – Привет, – сказала Таня. – Чем занимаетесь? – Гадаем. – Что вам, больше заняться нечем? Занимаетесь ерундой. – Почему это ерундой? – возразила Наташа. – Вот Галина Михайловна потеряла деньги, так гадалка сказала, где их искать, и та нашла. – А вы что потеряли? – Мы ничего не потеряли. Просто хотим узнать о своей судьбе. – С ума сойти! И кто же вам об этом может сказать? – Как кто? Маруся, – кивнула в сторону девушки, Наташа. Таня иронически улыбнулась, и, обращаясь к Марусе, сказала: – Не знала, что ты у нас предсказательница. – Да, я могу по линиям руки рассказать о судьбе человека. Напрасно ты насмехаешься. – Я в эту ерунду не верю. Как можно сказать, да ещё по линиям руки, что ждёт человека в его жизни, если мы не знаем, что случится завтра. – Не знает тот, кто не понимает, а кто понимает, тот всё знает. – И с ка-

ких это пор ты стала такой понятливой? – Таня, у Маруси мама хорошо гадает и по руке и на картах. Ты, что, об этом не знала? – вступилась за Марусю Наташа. – Нет, не знала. Никогда не интересовалась этой чепухой. – Хочешь, я тебе докажу, что судьба существует? – разгорячено предложила Маруся. – Как? – Давай руку и, я тебе скажу всё, что с тобой случится в дальнейшем. И ты увидишь, что всё сказанное, сбудется. – Давай, скажи. Таня протянула руки ладонями кверху. Маруся некоторое время вглядывалась в линии ладоней, а потом, вздохнув, сказала: – Всю жизнь тебя будет преследовать жажда любви, и любовь будет рядом, будет ходить за тобой по пятам, в переносном, конечно, смысле. Но у тебя не хватит силы её принять. – Такую ерунду могу и я намолоть. Ты мне скажи конкретно, чтобы можно было определить, сбылось это, или нет, – возмутилась Таня. – Хорошо. Замуж выйдешь года через два. Муж будет чёрненьким, то есть черноволосым, не высокого роста. Он живёт очень далеко, и вы друг о друге пока не знаете, но обязательно встретитесь. Любви большой между вами не будет. Жить будете средне, не богато и не бедно. Детей будет трое. Сын и две дочери. Ты ещё будешь учиться. – Так, хватит врать. Таня вырвала руки из рук Маруси. – Я никогда, слышишь, никогда не выйду замуж без любви, и за чёрненького не пойду. Не нравятся мне чернявые. Я встречаюсь с парнем светловолосым, и мы любим друг друга. Я выйду замуж только за него. – Этот парень не твоя судьба, вместе вы не будете.

Таня разозлилась. – Не надо мне плохое пророчить. Я знаю, что выйду только за него. – Ты же говоришь, что не веришь в гадания, так почему сердишься? – Потому и сержусь, что не верю. Всё будет так, как сам захочешь. – Ну, да. Только наши желания, под давлением судьбы имеют свойство меняться. – А мои, не изменятся, – упрямылась Таня. – Ну, посмотрим, – надулась Маруся. – Не обижайся ты, ну, не верю я, и всё. – Не веришь, не надо, – обиженно сказала прорицательница судеб. – Девочки, не ссорьтесь. Каждый имеет право на своё мнение. Я лично верю, – успокоила их Наташа. – Ну да, в своём отечестве пророка нет, – констатировала Маруся. Таня больше спорить не стала. Она

вспомнила, как Дима осыпал её поцелуями, как заботливо поправлял на ней шарфик, когда на улице была плохая погода, как, упреждая её, быстро наклонялся, чтобы застегнуть на ней сапожки, и с уверенностью подумала: Он меня любит. А уж как я его люблю! Врёшь, Маруся, любовь давно поселилась в наших сердцах, и я давно нашла силы её принять.

2

Вернувшись в город, Таня первым делом заглянула в почтовый ящик. Письмо уже несколько дней ожидало её. Знакомый почерк вызвал радостный стук сердца. Таня трепетно прижала к груди конверт, подержала его возле сердца, и только потом распечатала. «Голубка моя, здравствуй! – прочитала она, и счастливо улыбаясь, снова прижала письмо к груди.

В письме Дима писал, что очень по ней соскучился, но проект дороги, который они делали, ещё далёк от завершения. И, как минимум месяц, а то и полтора, ему придётся работать тут. Живут они сейчас в маленьком селе. Скука смертная. Просил прислать, если ей не трудно, что-нибудь почитать. Просьба слегка смутила. Она не знала литературных предпочтений Димы, и была в растерянности. Круг её интересов ограничивался в основном научной фантастикой, приключенческой и романтической литературой. Она читала Майн Рида, Дюма, Беляева, а Дима – Экзюпери.

В книжном магазине долго ходила возле полок с книгами. Ей казалось, что Дима всё это уже прочитал, и, повертев книгу в руках, она ставила её на полку. Так продолжалось до тех пор, пока продавец сама не предложила свои услуги. – А что-нибудь из современных писателей у вас есть? Я имею в виду, новенькое. Продавец протянула ей две книги, и Таня

отправилась на почту, чтобы бандеролью отослать их Диме. «Голубка моя», «очень по тебе скучаю» – повторяла она про себя, и счастливая улыбка озаряла её лицо.

Её работа называлась «подготовитель», и состояла в том, что она каждое утро забирала в бухгалтерии листы, на которых было указано, над какими именно сборками должны работать слесаря. Таня записывала в отдельной книге, кто и что делал, а так же комплектовала сборки, то есть, подбирала заготовки будущих деталей, входивших в сборку, и приносила их рабочим. Работа была не трудной, свободного времени тоже достаточно. От нечего делать, можно поболтать с рабочими.

– Танечка, ты светишься, как солнышко, – сказал дядя Саша, пожилой как казалось ей, человек – смотреть на тебя и то радость. – Спасибо, – улыбнулась она и направилась к Лёне. – Привет, – сказала она, – как, видел вчера свою дочь? Лёня развёлся с женой и очень скучал по трёхлетней дочери. – Да, гулял вчера с ней. Представляешь, она уже пять букв знает, а ей всего три года. – Да? Какая умница! Лёня обрабатывал деталь, зажатую в тиски, но, вдруг отложил напильник и повернулся к Тане. – Выходи за меня замуж, – неожиданно сказал он. Таня опешила. Она считала, что они с Лёней друзья. С ним было легко. Они делилась своими переживаниями, и Лёня прекрасно знал о Диме. – Что ты сказала? – растерянно переспросила она. – Выходи за меня замуж, – повторил он. – Ты шутишь? – Ни капельки. Мы бы-

ли бы хорошей парой. – Ты же знаешь, что я люблю Диму. – Ах, – махнул рукой Лёня, – твой Дима вечно в командировках. – Ну и что? Он топограф. У него такая работа. – А ты уверена, что он верен тебе так же, как ты ему? – Уверена. В любом случае, я тебя очень уважаю, но не люблю. Так что, прости. – Жаль. Но ты подумай, я подожду. – Думать тут нечего. Я люблю его, понимаешь, люблю! – Счастливчик, – позавидовал Лёня.

3

Таня красила ногти, и время от времени поглядывала в окно. Сегодня из командировки должен вернуться Дима. Она с замиранием сердца ждала этой встречи. Увидев молодого высокого парня, появившегося во дворе их дома, положила кисточку, и бросилась в прихожую. Сердце радостно билось, лицо освещала счастливая улыбка. Ей хотелось выбежать навстречу, броситься на шею, целовать, но она, сдерживая себя, прижалась спиной к холодной глади входной двери. Ей почему-то казалось, (кто и когда внушил ей это?) что так открыто показывать парню свои чувства, неудобно. Поэтому дождалась, пока в дверь позвонили, постояла ещё немножко, чтобы звонивший не догадался, что она все глаза просмотрела, дожидаясь его, убрала с лица счастливую улыбку, и только тогда открыла дверь. – Привет, Танюшка! – Парень наклонился, обнял девушку, и они поцеловались. – Проходи, – пригласила его девушка, высвобождаясь из его объятий. – Давай, лучше ты собирайся, и пойдем, погуляем. На улице отличная погода.

Очень скоро они очутились в скверике и сели на скамеечку. Дима взял руку Тани и стал целовать каждый её пальчик. – Я так по тебе соскучился, – говорил он. – Ты ждала? От нахлынувшей нежности Таня просто таяла, но выразить свои чувства снова не решилась. Вместо ласковых слов, она

только кивнула, а затем попросила: – Спой, пожалуйста, что-нибудь. И Дима, взяв гитару, висевшую на его плече, стал петь. У него был красивый голос и хороший слух. Прохожие замедляли шаги, прислушиваясь к его пению. А он пел для неё! И ей казалось, что счастливее неё нет никого на свете.

Спев несколько песен, Дима снова поцеловал девушку, а затем спросил: – Как тебе твоя работа, нравится? Таня неопределённо пожала плечами. Дима, подняв указательный палец, явно кому то, подражая, со смехом сказал: – Работу, как и жену, надо любить. В это время ветер сорвал с дерева кленовый листок. Дима наклонился, чтобы его поднять и тут заметил небольшой кусок бумажного листа, вырванного из простой ученической тетради, на котором аккуратным почерком было написано: третий лишний. – О, смотри, написано, третий лишний. Это про кого? Не хотел бы я быть третьим лишним. Кстати, я скоро снова уезжаю. – И куда на этот раз? – В Светлогорск. Так что ты смотри, подруга, на других не засматривайся. Я вполне серьёзно говорю, мы ведь больше врозь, чем вместе. А если встретишь кого-нибудь лучше меня, скажи прямо. Я пойму. Не люблю, знаешь, когда люди друг друга дураками делают. – Не переживай, это тебе не грозит, – улыбаясь сказала Таня, а затем спросила: – А если ты встретишь кого-то лучше меня? Ей так хотелось, чтобы Дима сказал, что никого лучше неё нет на свете, но он довольно прозаично ответил: – Если я встречу, то тоже сразу тебе скажу об этом. Ей пришлось приложить усилие, чтобы

вздых разочарования не вырвался из груди.

– Фу, ты! Я же книгу взять забыл. Я тебе и себе купил собрание сочинений Есенина. Ты Есенина любишь? – говорил уже о другом Дима. – Я не очень интересуюсь поэзией. – И что, не читала Есенина? – Только в рамках школьной программы. – Да ты что? У него такие мелодичные стихи. Я тебе сейчас спою. Дима снова взялся за гитару, и его голос неожиданно отозвался в сердце девушки непонятной грустью. – « Отговорила роща золотая, берёзовым шуршащим языком, и журавли печально пролетая, уж не жалеют больше ни о ком». Когда стих последний аккорд, спросил: – Понравилась песня? – Очень. – Завтра я тебе книгу принесу, – пообещал он, и продолжил – Завтра воскресенье. Как у тебя со свободным временем? Завтра ничем не занята? – Нет, не занята. – Давай тогда махнём к моей бабушке в село на велосипедах. – У меня нет велосипеда. – Возьмём напрокат. – Я не умею на нем ездить – краснея до корней волос, тихо сказала Таня. – Тогда, может, махнём на Днепр? Искупаемся. Таня смутилась ещё сильнее. – Нет, на Днепр я не поеду. – Почему? – Я не умею плавать, – смущённо сказала она. – Я научу. – Нет, я не поеду, заупрямилась девушка.

В их селе был пруд и её ровесницы отлично плавали, а у Таниной мамы были какие-то свои, как говорится, тараканы в голове. Она боялась, что её единственный ребёнок утонет, и таким вот своеобразным образом пыталась защитить. А мама у Тани была строгой. И несанкционированные

побеги на пруд, кончались для неё весьма ощутимой трепкой.

– Давай поедем на Днепр, – продолжал уговаривать её любимый, но ей было стыдно предстать перед ним такой неумелой, и она не согласилась. – Тогда завтра пойдём на концерт. Согласна? Я взял четыре билета на концерт Муслима Магомаева. – Звал на Днепр, а у самого билеты на концерт. – Так концерт вечером, мы вполне бы успели и то, и другое. – А зачем четыре билета? – Знаешь, тут такое дело. Ты не могла бы пригласить свою подружку Люду пойти с нами? – Почему именно её? – Толик в неё влюбился. Говорит, когда её вижу, сердце стучит так, будто хочет выскочить из груди. Даже, говорит, забываю, что хотел сказать. Представляешь? Бывает же с людьми такое! – Представляю. Её сердце при виде Димы стучало точно так же. Ей хотелось спросить, а как его сердце реагирует, когда он видит её, но она не решилась. То, что Дима говорит о чувствах Толика, как о чём-то необычном, для него незнакомом, подсказывало ответ. И маленький червячок обидки, именно так, обидки, в обиду она ещё не превратилась, зашевелился в сердце.

А ночью ей приснился страшный сон. Будто сидит она в моторной лодке посреди моря. Плавать не умеет, и лодкой управлять – тоже. Вертит головой в разные стороны, знает, что надо плыть, а куда и как, не знает. Кругом только водная гладь, а лодочка маленькая, вертит её течением по кругу, того и глядишь, опрокинет. Тане страшно, а позвать на по-

мощь некого. И вдруг рядом с ней неизвестно откуда появилась девушка, точная копия её самой. – Что, не знаешь куда плыть? – Не знаю, да и не знаю, как управлять лодкой. – Тогда плывём на запад, – завела девушка моторку. – А ты кто, и откуда взялась? – спросила Таня. – Как откуда? Я всегда с тобой, я твоя судьба. – Судьба такой не бывает. Судьба – это жизнь, или процесс жизни, не знаю, как сказать точнее. А ты точная моя копия. – Бывает. Какой человек, такая и его Судьба. – Как это? – Не понимаешь? – Нет. – Ничего, придёт время, поймёшь.

Ветер усилился, лодку бросало, как щепку из стороны в сторону, злые волны обрушивались, пытаясь утопить, и Таня, уцепившись изо всех сил в её края, старалась удержаться и не выпасть в море. – Смотри, остров! Прыгай! Плыви к нему! Спасайся! – кричала ей Судьба, указывая на небольшой островок посреди бушующих волн. Но Таня не могла решиться. Ей казалось, что она не сможет доплыть и непременно утонет. Островок остался позади, а лодка очутилась в непроглядном тумане. Волна, особенно огромная, с силой обрушилась на лодку, и та пошла ко дну. Девушка закричала.

Проснулась от собственного крика. Сердце бешено колотилось, лоб покрылся испариной, а руки судорожно сжимали одеяло. – Фу, приснится же такое! Она слышала, что людям снятся кошмары, но ей приснилось такое впервые. Во сны она не верила, как не верила в судьбу. И вскоре и о гадании и о сне, совершенно забыла.

Дима вернулся из командировки. Они встретились воскресным днём и направились в кинотеатр на дневной сеанс. Шёл фильм «Даки». Фильм был интересным, но они не столько смотрели, сколько целовались, сидя на последнем ряду. После фильма пошли в кафе. У Тани было хорошее настроение, и она, не обращая внимания на прохожих, замурлыкала своим слабеньким, как и она сама, голоском песню, услышанную от Димы. «А что за свадьба без цветов? Пьянка, да и то. А на нейтральной полосе цветы необычайной красоты». Дима иронически улыбнулся. – Певец из тебя, прямо скажем, не очень. Таня смутилась. Как она забыла, что у Димы очень хороший слух и осмелилась запеть в его присутствии? – Да, я хорошо петь не умею, – кивнула она. – Да ладно, чепуха, – притянул он её к себе и поцеловал. Она доверчиво прижалась к сильному, рослому парню.

В один из зимних морозных дней, Дима влетел в комнату Тани, как январская метель. Он был весел, бодр и полон энергии. – Танюшка, собирайся, – весело сказал он, едва переступив порог её комнаты. – Куда? – Мы идём на каток. – Кто это, мы? – Я, ты и мой братишка. – Я не пойду, идите без меня. – Что, и на коньках кататься не умеешь? – поддел её Дима, тем самым наступив на любимую мозоль. Таня молчала. – Что, и в самом деле не умеешь? – снова спросил Ди-

ма. – Не умею, – испытывая страшную неловкость, ответила Таня. – Да ладно! Чем ты в детстве занималась? Таня продолжала молчать, стыдясь сказать правду.

Она росла в бедной, даже по тем временам, семье. Её мама работала нянечкой в больнице, а в промежутках между сменами, ходила подрабатывать в колхоз. И основная работа по дому с ранних лет легла на её плечи, так что времени для развлечений было не так много. Отец, окончивший школу и техникум связи на «Отлично», со временем спился, бросил работу и пропивал то, что зарабатывала мама. Поэтому у неё в детстве и юности кроме санок не было никаких предметов для спортивных развлечений. Но, главное было даже не в этом. Она была очень слабой физически и очень этого стеснялась. В школе, чуть не убила преподавателя физкультуры, метая ядро. Тяжёлый спортивный снаряд полетел не прямо, а в сторону, и, пролетев несколько метров, упал туда, где стоял физрук. Он еле успел отскочить в сторону. Все смеялись, а ей было стыдно, но метнуть ядро так, как её сверстницы, она не смогла. Со временем пришлось отказаться от игры в волейбол, потому что её маленькие ручки с тоненькими пальчиками готовы были сломаться под ударом мяча. Вместо того, чтобы тренироваться, как-то попытаться развить себя, она развила в себе комплекс неполноценности.

– Ладно, буду учить. Выведу на середину катка, и отпущу. Представляешь картину? Таня не засмеялась, как ожи-

дал Дима, а отвернулась. – Ты что, обиделась? Я же пошутил. Дима взял её за локоть, и попытался повернуть к себе, но она выдернула руку. – С юмором у тебя подружка, слабо. Ладно, я не пойду тоже. Давай, одевайся, хоть на улице погуляем.

Дима ради неё не пошёл на каток, но радости это ей не принесло. Она ждала его с командировки, скучала по нему, но рядом с ним уже не светилась от счастья, а была подавленной и угрюмой. Со всем у неё не так, как надо. И петь она не умеет, и с юмором у неё плохо, и с коньками она не дружит.

Если раньше неумение ездить на велосипеде или кататься на коньках, её не огорчало, и она спокойно обходилась без этих развлечений, то теперь ей это казалось важным.

Несмотря на физическую слабость, в школе к ней относились с уважением. Ведь так, как она, никто не мог решать задачи по математике. А когда учительница комментировала написанные учениками сочинения, то неизменно произносила: – А лучше всех написала, – и класс дружно произносил её фамилию. Но Дима жил в другом месте и этого не слышал. Простенькой и наивной Тане не приходило в голову похвастаться связанной её руками кофточкой, или сшитым платьем, которое она украсила красивой вышивкой, сделав тем самым его очень нарядным. Она очень любила природу, и много свободного времени посвящала сбору цветов и составлению букетов. Но эти свои умения, ни чем особенным не считала. И ей самой уже казалось, что в ней нет ничего

особенного, за что её можно было бы любить. Рядом с Димой она стала чувствовать себя карликовой берёзкой рядом с молодым и могучим дубом. Он такой красивый, сильный, умный! А она ничего особого собой не представляет. И что-то смутное, не до конца понятное, шевельнулось на дне её души, замутив прозрачную гладь её светлых надежд и представлений о будущем.

В этот день они долго гуляли по улицам Киева, любясь резными листьями каштанов, и изредка встречающихся клёнов. Осень уже раскрасила разноцветными красками деревья, желая порадовать людей ярким цветом, перед холодной, однотонной зимой.

Взявшись за руки, они брели по аллее, наслаждаясь обществом, друг друга, и любясь буйством красок, окружающих их. – А у меня завтра день рождения, – сказала Таня. – И сколько тебе стукнет? – А то ты не знаешь. Восемнадцать. – Да ты уже старушка. Я думал тебе четырнадцать, – весело сказал Дима. Щупленькая Таня, в отличие от рослого Димы, действительно выглядела лет на пятнадцать. Это её огорчало, и шутка Димы снова ударила по больному месту. Весёлое выражение её лица померкло, что не ускользнуло от внимания парня. – Ты опять обиделась? – шутливо дёрнул её за руку он. – Нет, – пыталась взять себя в руки девушка, но согнать с лица недовольное выражение, ей не удалось. – Так придёшь? – А куда? Где это священнодействие состоится? – Глаза Димы весело искрились. – Хозяйка разрешила отпраздновать у неё дома. – А во сколько? – Приходи к трём. – Ты что? Я по ночам ходить боюсь, в это время ведьмы и вурдалаки ходят, – пытался развеселить подружку Дима. – Да ну тебя. В три часа дня, точнее в пятнадцать ноль-

ноль, чтобы ты не ошибся. – А кто ещё будет? – Придут мои подружки, с которыми я работаю, из села приедет Наташа, возможно и мама приедет, точно не знаю. Так придёшь? – Постараюсь.

Похоже, кошмары решили, что она в них нуждается, поэтому в эту ночь кошмар приснился снова. Будто они с Димой рвали ландыши в весеннем лесу. Дима ушёл вперёд и скрылся в чаще, а на неё напал ворон и стал бить крыльями и лапами, пытаясь клюнуть в лицо. Таня прикрыла лицо руками, но ворон изловчился и ударил прямо в грудь. – Дима, помоги! – закричала она и проснулась.

Ночной кошмар не испортил настроения. Она по-прежнему не верила снам. И на следующий день с красивой причёской, в новом, сшитом на заказ, (потому что была самоучкой и боялась испортить дорогую ткань, присланную тётей из Канады), платье, тоненькая, как молодая берёзка, встречала гостей. Принимая подарки, старалась внимательно выслушивать поздравления, но её глаза, будто магнитом, притягивало окно. Она ждала Его.

– Доченька, гости проголодались, пора садиться за стол, – сказала мама. Таня понимала, что затягивать с угощением уже неудобно, и пригласила всех к столу. На правах самого близкого человека, мама первой подняла бокал, наполненный вином. – Что тебе пожелать, доченька? Главное, это здоровья, и чтобы ты была счастливей, чем я. За твоё здоровье и удачу! – все чокнулись, и тут в дверь позвонили. – О, твой

пришёл, – сказала хозяйка квартиры, тётя Дуся.

У Тани не было и тени сомнения, что это Дима. Радостная улыбка озарила лицо именинницы, и она побежала открывать. Но, распахнув дверь, увидела незнакомого молодого человека с букетом красных хризантем. – Здравствуйте. Вы Таня? – спросил он. – Да, – ничего не понимая, ответила она. – Тогда, это вам, – сказал он, протягивая ей букет, и добавил: – Дима попросил поздравить вас с днём рождения, пожелать вам счастья, удачи и всего самого лучшего. Что я с удовольствием и выполняю. – А почему он сам не пришёл? – внутренне холодея, спросила Таня. – Честно говоря, не знаю. Сказал, не может. Не проронив больше ни слова, она закрыла дверь перед носом парня, забыв поблагодарить, и прижалась к двери точно так же, как прижималась, унимая радостно стучавшее сердце, когда приходил Дима. Теперь же она пыталась унять раздирающую душу боль и желание плакать. Как он мог?! Как? – билась в голове мысль. С трудом переборов себя, с каменным лицом, она вошла в комнату. Не спросив хозяйку, взяла вазу и поставила в неё цветы.

Дима не появлялся, и тётя Дуся не выдержала первой. – А где Димка? – спросила недоумённо она. – Его срочно отправили в командировку. Он прислал букет и поздравления через друга. – А где друг? Ты его не пригласила? – допытывалась тётя Дуся. – Он торопился. – не моргнув глазом, солгала. У неё было такое ощущение, что внутри неё сжалась мощная пружина, и хоть она доставляет дискомфорт,

но именно благодаря этой пружине ей удаётся удерживать рвущиеся наружу слёзы. Её казалось, что её сердце превратилось в сплошную рану, но она ничем не выдала своё душевное состояние.

Когда блёклые сумерки коснулись земли, напоминая о приближении ночи, и зажглись первые фонари, гости заторопились по домам.

Таня проводила маму и Наташу, дождалась, пока они сели в автобус, помахала им на прощанье рукой, и только тогда сбросила маску весёлого спокойствия, и дала волю, душившим её слезам. Она не плакала, а рыдала, не обращая внимания на прохожих. Ведь она его так ждала, а он! – Девушка, кто вас так сильно обидел, почему вы так горько плачете? – спросил её, проходивший мимо парень. – Не ваше дело, – грубо буркнула Таня, перенося на, ни в чём не повинного человека, свою боль. Парень, вздохнув, пошёл своей дорогой, а она побрела по улице, даже не пытаясь вытирать бегущие по щекам слёзы.

Домой вернулась совершенно разбитой. Открыла своим ключом дверь, и, боясь разбудить хозяйку, прошмыгнула в свою комнату. Сил раздеться не было. Упала на не расстеленную кровать прямо в одежде. Слёзы продолжали катиться по щекам, скатываясь на подушку.

На работу пришла с опухшим посеревшим лицом. Мастер даже хотел отпустить её домой, решив, что она заболела. Лёня, увидев её, выругался: – Козёл этот твой Димка. Уви-

дел бы, сам бы морду ему набил! – Причём тут Дима? – пыталась скрыть свои страдания Таня. – Ай! – махнул рукой Лёня, – а то я не знаю! Выходи за меня! – Нет! – покачала головой она. – Всё-таки нет? – разочарованно сказал Лёня. – Не обижайся. Ты же не хочешь, чтобы я жила с тобой, а думала о нём.

Прошло две недели, а Дима не объявлялся. Таня знала, что нравится и другим парням. С момента её появления в цехе, по ней сох Саша, предлагал встречаться, но она неизменно отказывала. Он тоже догадался о том, что у Тани неприятности на любовном фронте. Её унылый вид придал ему смелости, и он снова предложил ей куда-нибудь сходить. Его карие глаза в бархате чёрных ресниц смотрели с трепетной надеждой, и Тане стало, его жаль. – Ну, давай сходим, – без особого энтузиазма согласилась она. Саша просиял. – Тогда в шесть у кинотеатра имени Ватутина, – радостно выпалил он. Таня согласно кивнула.

Смена заканчивалась в четыре часа дня. Таня шла домой, и её терзало раскаяние. Зачем она согласилась на встречу с Сашей? Всё равно, все её помыслы будут только о Диме. Не пойду, – решила она. Но сообщить о своём решении у неё не было никакой возможности. Мобильных телефонов в то время не было в помине, а домашний у Саши если и был, то был ей неизвестен.

Она забыла ключи, и дверь открыла тётя Дуся. – Проходи, проходи. Там тебя гость уже заждался. – Кто? – сердце

девушки забилося часто-часто. – Кто же ещё? – многозначительно сказала хозяйка. Таня вмиг забыла о боли, причинённой Димой. Она торопливо снимала пальто и туфли, а сердце ликовало: Пришёл! Ура! Пришёл!

Дима перелистывал журнал, и когда Таня переступила порог своей комнаты, встал и быстро пошёл ей навстречу. Она протянула руки, и когда он приблизился, положила ему на плечи, а он стал осыпать поцелуями её лицо. А затем, отстранив, заглянул девушке в глаза. – Рассказывай, чем ты тут без меня занималась? – А почему ты так долго не приходил? – Решил тебя наказать, чтобы впредь попусту не злилась. Это «наказать», больно кольнуло. Значит, для меня это наказание, а для него то, что мы не виделись две недели, безразлично? Её руки ослабли и стали сползать с широких плеч Димы. – Мне нужно переодеться, – потянулась она к халатику, висевшему на спинке стула, пытаясь скрыть обиду. – Думаю, не стоит. Уже без пятнадцати пять, а я взял билеты на шесть часов вечера в кинотеатр. – В какой кинотеатр? – застыла она в напряжении. – Ну, какой рядом кинотеатр? Ватутина, – спокойно сказал Дима. Таня вспомнила о Саше. Он ждал её именно возле этого кинотеатра, и именно в шесть часов вечера. Её появление с Димой он посчитает издевательством, а издевательств он не заслужил. – Я не могу пойти с тобой в кино. – Опять не можешь? Мне уже порядком надоели твои «не могу». Ты уже и в кино пойти не можешь! Почему?! Таня решила сказать правду и про то, как согласилась,

и про то, как передумала идти на встречу с Сашей, а главное, по какой причине. Поэтому сказала без обиняков: – Потому что там меня ждёт парень. Это признание взбесило Диму. Значит, она не ждала, не переживала, а встречалась с другим! Хотя, может просто врёт, чтобы отомстить. Последняя мысль удержала от желания, хлопнув дверью, уйти. – Ладно, пойдём в другой кинотеатр, – с раздражением сказал он. Тане хотелось объясниться, но Дима с непроницаемым видом стал читать журнал, лежавший на столе, давая тем самым понять, что больше его ничто не интересует. И Тане показалось, что её объяснение будет выглядеть так, будто она оправдывается. А она виноватой себя не считала и поэтому молчала.

В кино они не держались за руки, и не целовались. После сеанса посидели немного в скверике, напоминая своим видом скучающих стариков. Дима не обнял её, как прежде, а взялся за гитару, которая почти всегда была при нём. Он пел песни на слова его любимого Есенина. После «Клён ты мой опавший», сразу запел другую. « Пусть твои полужакрыты очи, думаешь о ком-нибудь другом, я и сам люблю тебя не очень, утопая в дальнем дорогом». Он пел самозабвенно, и Тане показалось, что последние строки адресованы ей. Он просто не решается сказать ей это прямо. Только зачем ей одолжение? Она хочет любви.

Уже возле Таниного дома Дима сказал: – Я вчера опоздал на автобус, и пришлось ночевать на вокзале. – Мог бы

вернуться, и переночевать у нас. Тётя Дуся бы пустила. – Неудобно было беспокоить. – Мы бы поняли. – Ладно, проехали. Просто сегодня уйду раньше, не охота и эту ночь провести так же. – Уйдёшь, никто не держит. – Я вижу, – в голосе молодого человека послышалось раздражение. – Что ты видишь? Девушка чутко отреагировала на смену интонации, и непроизвольно вспыхнула тоже. – Что не держишь. – А, может, ты сам не хочешь держаться? – Ну, знаешь! По-моему, это ты злишься по всякому пустяку, надоело уже! – Надоело, так уходи. – И уйду. – Ну, и иди. Вспомни она слова Маруси, то, возможно, попридержала бы свой язык. Но за всё это время, ни о Марусе, ни о предсказании, она не вспомнила, ни разу.

Дима резко повернулся, и пошёл прочь, а Таня, желая насолить, крикнула ему в спину: – Я не люблю тебя! – Дима оглянулся, но, не остановился. Таня смотрела на удаляющееся счастье, молча, будто онемела. И неожиданно для себя, ощутила опустошительное облегчение. Ведь то, чего она так боялась в последнее время, произошло. Бояться больше не надо. И понуро поплелась домой.

6

Чувство облегчения длилось не долго. Очень скоро Таня снова затосковала. Глаза её без конца поглядывали в окно, в надежде увидеть знакомую фигуру во дворе. С работы она летела пулей домой, в страхе от мысли, что он придёт, а её не будет дома. Но он не появлялся. Она уже не думала о том, любит ли он её. Её любовь к нему, не давала покоя, мучила и сжигала изнутри. И после месяца мучительного ожидания, когда желание увидеть любимого стало совсем нестерпимым, она решила поехать к нему сама.

За окнами автобуса проплывали пшеничные поля, затем показались дома его села, и всё это: и поля, и дома, и дорога, было дорого её сердцу. Ведь всё это окружало её любимого! Она не думала о том, что ему скажет, не думала о том, как отреагирует на её приезд он, единственным желанием, владеющим ею, было желание как можно скорее его увидеть.

Вот автобус проехал по мостику через небольшую извилистую речушку, и девушка вспомнила, как приезжала сюда с Димой вскоре после знакомства с ним. Их пригласил к себе на день рождения Толик, друг Димы. Ей вспомнилось, какой счастливой она была тогда! Как они тонули в глазах друг друга, какими сладкими были поцелуи! А вечером Дима привёл её к скамейке, стоявшей в уединённом месте. Таня села, а он лёг, положив голову ей на колени. Над ними раски-

нулось тёмное небо, с мерцающими звёздами. – Посмотри, Танюшка, как красиво! – сказал он, любуясь золотистой россыпью над головой. – Да, очень, – откликнулась она. – Может быть, сейчас где-то далеко-далеко, сидят двое счастливых влюблённых, как мы. И они тоже смотрят в небо, и любуются им, как мы, и думают о нас. Представляешь? – продолжал мечтательно он. Как ей тогда хотелось, чтобы этот вечер длился бесконечно!

Автобус затормозил, и девушка направилась к выходу. У Димы тогда они не были, и где его дом, она не знала. Поэтому направилась в дом Толика. Мама Толика была дома одна. – А почему ты ищешь Диму? Что случилось? Что он натворил? Может, позвать его родителей? – засыпала она вопросами визитёршу, а в глазах её был испуг и участие одновременно. – Ничего не случилось, и он ничего не натворил, просто мы поссорились, я сказала ему лишнее. – Может, всё-таки позвать его родителей? Беспокойство не покидало женщину. – Нет, не надо никого звать. Я только хотела бы его увидеть. – Так он уехал в командировку куда-то очень далеко и надолго. Адреса не оставил, и писем нет. Родители переживают, боятся, как бы ничего с ним не случилось. Мы вчера с его матерью разговаривали. Отец его собирается ехать к нему на работу, спросить, куда его отправили. – А Толик тоже поехал с ним? – Нет, Толик устроился на работу на молокозавод. – Тогда передавайте ему привет. – Может, всё-таки сходим к родителям Димы? Неудовлетворённое желание

увидеть объект любви, превратилось в колючего ежа с ядовитыми иголками, сидящего внутри. И сейчас этот ёж стремительно увеличивался в размерах, впивался своими колючками в плоть, и казалось, вот-вот разорвёт её изнутри. – Нет, я пойду. Она направилась к выходу, чтобы хозяйка не заметила, как ей больно. – А что ему сказать, если он вернётся? – Скажите, что я его искала.

Быстрыми шагами она шла по улице, но не на автобусную остановку, а в сторону речушки, где когда-то гуляла вместе с Димой, счастливая и радостная. Ей не хотелось, чтобы прохожие видели её плачущей, ведь среди них мог оказаться кто-то из их общих знакомых. И она изо всех сил старалась сдержать слёзы. Остановилась на берегу под высоким раскидистым деревом и обессилено опустилась на землю. И тут же слёзы хлынули из её глаз, а губы повторяли: уехал, уехал. Она плакала до тех пор, пока ядовитый ёж, сидящий внутри, не уменьшился, и ей не стало немного легче. И только потом обречённо поплелась к автобусной остановке.

Таня была очень скрытной, и своими переживаниями не делилась ни с кем. До этого особо страдать ей не приходилось. Иногда она обижалась на строгую маму, и тогда бежала в дубовую рощу, растущую прямо за их двором, и плакала там до тех пор, пока обида не проходила. Но это были мелкие обиды, и слёзы смывали их, не оставляя следа. А теперь в её сердце была глубокая рана. И виноватой она считала только себя.

Какое-то время она занималась самообразованием, но, сколько себя не грызи, перемен к лучшему не дожидаться. И она, хоть и с большим опозданием, решила научиться кататься на коньках, да не как-нибудь, а хорошо. Поэтому, отыскав тренера по фигурному катанию во Дворце Спорта, стала проситься к нему в ученики. Глупая, совершенно не знающая жизни, в свои восемнадцать лет она верила, что в её стране всё для народа, и тренер по фигурному катанию – тоже. Ведь этому её учили в школе, писали в газетах.

– О чём вы говорите? Сколько вам лет? Какие вы можете дать результаты? – с недоумением смотрела на неё женщина-тренер. – Мне не нужны результаты. Мне достаточно просто научиться кататься хорошо для себя, – убеждала её наивная Таня. – Миленькая, для себя, купите коньки и учитесь где-нибудь на катке, сколько вам угодно. Не хватало ещё

мне возиться с бездарными переростками! Хотели научиться, надо было приходиться так года в три. Что вы до сих пор делали? – Ясно, – сказала девушка, и направилась к выходу. Примерно то, же ей сказали и в кружке по художественной гимнастике.

В пятом классе, начитавшись научной фантастики, Таня грезилась полётами в межгалактическом пространстве, а став постарше, немного приблизилась к Земле, и стала мечтать о профессии лётчика. Эта профессия казалась ей какой-то необыкновенной. Но мечта так и оставалась мечтой. Никаких попыток к её осуществлению она не предпринимала, понимая, что привлекает её в этой профессии только романтика. И всё же, ей хотелось стать кем-то стоящим. Может, попробовать стать стюардессой? Где обучают этой профессии, она не знала, поэтому поехала в аэропорт. Добравшись до отдела кадров, робко озвучила своё желание.

Белокурая женщина с химической завивкой, оторвавшись от бумаг, перевела взгляд на Таню. Взгляд скользнул по фигурке девушки, и ей стало как-то неуютно под этим испытующим взглядом. – Девушка, какая из вас стюардесса? – без обиняков сказала она. – Ну, вы посмотрите на себя! – Я что, такая страшная? – робко спросила Таня. – Почему страшная? Вовсе нет. Очень даже привлекательная. Но, кроха! С вашим росточком пассажиры вас между кресел не увидят. А каким иностранным языком вы владеете? – Немецкий, учила в школе, – робко пролепетала девушка. – Учила

в школе, – передразнила её женщина. Стюардессы нам пока не требуются. Идите, девушка, домой. Подрастёте сантиметров на двадцать, выучите иностранный язык, тогда и приходите.

Возвращаясь из аэропорта, в окно автобуса Таня увидела вывеску ДОСААФ. Она знала, что там обучают прыжкам с парашютом. Это тоже входило в набор её мечтаний. И сейчас у неё мелькнула мысль сделать последнюю попытку в осуществлении хоть одной из них, но она вспомнила слова отца и его улыбку, когда он узнал о её желании. – Придётся кирпичей с десятков привязывать к тебе, а, то и больше, – сказал он. – Зачем? – не поняла Таня. – Чтобы ты смогла приземлиться. А то будет ветер носить вокруг Земли, с твоим-то весом.

Расстроенная и уставшая она открыла своим ключом дверь и стала разуваться. Но тут из комнаты выбежала тётя Дуся. – Прими мои соболезнования, – сказала она и обняла девушку. – Издевается, что ли? – застыла в недоумении Таня, не зная, как реагировать на слова хозяйки, а потом спросила: – А что, это так заметно? – Что заметно? – не поняла тётя Дуся. – Что я нуждаюсь в соболезновании. Конечно, после мытарств сегодняшнего дня, соболезнования были уместны. Но как о её неудачах догадалась тётя Дуся? – Так в телеграмме всё написано. Таня уставилась на хозяйку. – В какой телеграмме? – В той, которую я получила вместо тебя. Он что, болел? – участливо спросила женщина. –

Кто? – не могла понять, о чём речь, Таня. – Отец. – Чей? – Твой. Таня продолжала тупо смотреть на тётю Дусю. – Телеграмма тебе пришла, твой отец умер, – наконец догадалась пояснить та. – Ох, – тяжело вздохнула Таня и стала обуваться. – Может, несчастный случай? – строила предположения хозяйка. – Не знаю, – сказала девушка и пошла к двери. Она догадывалась, что причина смерти отца кроется, скорее всего, в его алкоголизме. Но это обстоятельство она старалась скрыть, и с хозяйкой откровенничать не стала.

После похорон отца, мама, со страдальческим видом сказала дочери: – Танечка, давай уедем отсюда. – Уедем? – удивилась девушка. – Родители твоего отца винят меня в его смерти. – Они что, сошли с ума?! Причём здесь вы?! – Говорят, что если бы я вовремя вызвала «скорую», то его могли бы спасти. Но, я пришла с работы, а он уже мёртв. А они говорят, что я специально ушла, чтобы избавиться от него, представляешь? Я же его, алкоголика, кормила! Мне так обидно слушать эту неправду, – плаксивым голосом продолжала женщина. – Давай уедем, доченька! – Но, куда мы можем уехать? – Я читала в газете, что набирают людей для переселения в Казахстан. Там дают жильё и работу. Давай уедем.

Предложение было неожиданным, но здесь её ничего не держало. Дима не давал о себе знать, работа ей не нравилась, и она согласно кивнула.

По переселению ехали, в основном, молодые семьи. Чем-то их жизнь на Родине не устраивала, и они мечтали поймать птицу счастья вдали. Из старшего поколения были только её мама, да ещё одна семья, в которой была девушка, ровесница Тани. Её звали Люба. Обстоятельства диктовали им подружиться, и они подружились.

Поезд медленно полз по бескрайним степным просторам, и девушки, усевшись у окна, наблюдали за неизменным пейзажем. – Таня, ты почему всё время грустная? У тебя там что, жених остался? – Нет, никто там у меня не остался, – показала головой Таня. – У меня тоже. Ничего. Приедем, и найдём себе чёрненьких женихов. – Как ты сказала? – встрепенулась Таня. В её памяти вдруг всплыло лицо Маруси, и слова, сказанные ею. – Я имею в виду, казахов. Или ты принципиально против казахов? Таня была против всех: чёрненьких, рыженьких и беленьких. Кроме Димы ей, по-прежнему, не нужен был никто, но она не желала посвящать новоиспечённую подругу в свои сердечные дела. Поэтому просто пожала плечами.

Люба была немногим крупнее Тани, и председатель колхоза, в котором они теперь должны жить, справедливо решил, что работницы полей из них никудышные, и направил работать в детский сад. В селе детского сада было два. Один

большой, где всё было на должном уровне, куда и попала Люба. И второй, состоящий из одной разновозрастной группы на окраине села, в которой самым младшим был ребёнок десяти месяцев, а старшему, скоро должно исполниться семь лет. Сюда и попала Таня в роли воспитательницы. Она, няня и повар, – вот и весь персонал.

Таня росла в семье одна, и желание нянчиться с малышами, её никогда не посещало. И что делать с этими детишками, представления не имела. В арсенал её занятий с малышами входило лишь чтение детских книг с рассматриванием картинок, и самостоятельные игры на свежем воздухе. Больше она ничего придумать не могла. Десятимесячный ребёнок беспрерывно орал, приходилось носить его на руках. – Почему он беспрерывно кричит? – спросила она нянечку. Та раздела младенца и охнула. – Да у него вши! Таня ошарашено глядела на няню. – Что?! Вши?! И что теперь делать? – Вызвать срочно родителей, и отстранить от посещения детского сада, пока не выведут. Няня знала больше воспитательницы. И хотя на некоторое время она избавилась от педикулёзного ребёнка, легче ей не стало. Старшие дети обижали младших, отнимая у них игрушки, дрались и лезли, куда не следует. Эта разновозрастная орава, ужасно надоедала, и она жила ожиданием момента, когда родители заберут своих неуёмных чад домой.

Одним развлечением в её жизни стало кино. В клубе его показывали каждый вечер. Однажды при встрече Люба ска-

зала: – Я с таким парнем познакомилась! Володей зовут. У него есть друг, и ты ему нравишься. Он хочет с тобой познакомиться. – Зато я не хочу ни с кем знакомиться. – Брось. Знаешь, какая у меня лёгкая рука! Стоит мне познакомить парня с девушкой, они обязательно поженятся. Такая лёгкая, что я даже своего парня познакомила с подругой, и они поженились, представляешь? Таня молчала. – Так как, познакомишься? – Зачем он мне нужен? Замуж я не собираюсь. – Это пока. – Нет, я вообще не собираюсь выходить замуж. – Это почему? Таня рассказала о своей несчастной любви. – Я вижу, ты совсем дура. Твой Дима женится, у него будут дети, а потом и внуки, а ты будешь всю жизнь одна. У тебя кроме мамы нет никого. А если она умрёт? Да и вообще, назло этому Диме надо выйти замуж и стать счастливой. – Замуж, может, и можно, а вот стать счастливой? Не знаю, как можно назло стать счастливой. – Ерунда. Это пройдёт. Говорят, клин клином вышибают. Слышала такое? Поэтому знакомимся с другом Володи.

Тем же вечером перед Таней стоял парень чуть выше её роста, кареглазый с шевелюрой аккуратно причесанных чёрных волос. В тот миг, когда Таня впервые на него глянула, ей показалось, что его фигура окутана тёмным коконом. Так, будто на него падала тень. Она даже огляделась, от какого предмета тень? Но ниоткуда тень падать не могла. Что же это? Обман зрения? Наверное, решила она, потому что в течение нескольких минут тёмное пятно, лежавшее на парне,

исчезло. Будто с обложки какого-то журнала, думала она, глядя на молодого человека. Чёрный костюм и белая рубашка, чёрные туфли начищены до блеска, хотя на улице в этот день шёл дождь, – всё это говорило о том, что парень уделяет своей внешности особое внимание. – Вы, случайно, не со своей свадьбы сбежали? – Нет, не имел такой возможности, поскольку жениться не собирался. Меня зовут Антон. – Очень приятно, я – Таня.

Несмотря на привлекательную внешность, Антон особого впечатления на неё не произвёл. И тем ни менее, вняв совету подруги, она стала с ним встречаться, мысленно называя, таблеткой от боли.

Шло время, гуляя с новыми друзьями в степи, она смотрела на величественные горы, возвышающиеся на горизонте, собирала тюльпаны, но пелена печального прошлого закрыла её сердце, и не позволяла проникнуть туда настоящему, а насладиться им, тем более.

Однажды Антон сказал, что женится на такой девушке, как она, маленькой, светленькой и голубоглазой. – Да? Так, может, женишься на мне, чтобы не тратить время на поиски другой такой, как я? Это была глупая шутка. Но Антон воспринял её всерьёз, и в тот же вечер её поцеловал. Поцелуй оказался пресным, бесчувственным, будто опилочек в рот набрала.

Ей хотелось домой, в родное село, к подружкам, с которыми выросла. Тоска по родным местам, по Диме, работа,

не приносящая никакой радости, а в придачу ещё и начавшаяся невыносимая жара, только усилили желание. – Мама, я хочу домой. Я не хочу здесь жить, – сказала она матери. – Я тоже, дочка, хочу. Уезжай, а я отправлю контейнер с вещами, и приеду следом. Что нам делать в этой чужой стороне? – согласилась мать.

Антон, узнав о решении девушки, спросил: – Адрес оставишь? – Без проблем. – Я к тебе приеду. – Приезжай. Без энтузиазма сказала она. Антон был её ровесником и собирался в этом году поступать в институт, поэтому она не приняла его слова всерьёз. Напишет пару раз, и на том всё кончится. Против такого конца их отношений, она не возражала. Он был не более, чем таблетка от боли, а боль рано или поздно мучить её перестанет.

До приезда мамы, девушка поселилась у бабушки. Та хоть и имела претензии к снохе, к внучке отнеслась доброжелательно. В это время к бабушке в гости приехала и её дочь Ольга, Танина тётка. – Чем собираешься заниматься? – спросила она племянницу. – Не знаю. Думаю, может, поступить учиться в институт в этом году? Экзамены в августе, сейчас июнь, есть время подготовиться. – Конечно, надо поступать, – согласилась с ней тётка. – А куда планируешь? – Ей надо учиться или на врача, или на учителя. Какую ещё работу можно делать с такими маленькими ручонками? – высказала своё мнение бабушка. – Нет, нет, нет! Педагогом, – ни за что. Никогда не пойду в педагогический. – Почему? – удивилась бабушка. – Потому, что у меня нет никаких способностей к этой работе. И Таня рассказала родственникам о своём педагогическом опыте в Казахстане. Это было её второе утверждение, в котором ключевым словом было слово «никогда». – А в медицинский? – спросила тётя. – Я крови боюсь. – Тогда куда? – Не знаю, – пожала плечами девушка. – А какие предметы ты больше всего любила в школе? – Математику, а в старших классах больше всего любила писать сочинения. – Ну вот, тогда надо идти на факультет журналистики. – Я бы не против, но там такой большой конкурс. – И что? Может именно ты и поступишь. Надо пробо-

вать. А если не пробовать, тогда уж точно не поступишь. – Да, да, эта работа тебе тоже подойдёт. Поступай на журналиста, – поддержала свою дочь бабушка. И Таня стала готовиться к поступлению в Вуз.

Прошёл месяц, от Антона писем не было, и Тане не хотелось ему писать тоже. Где-то в глубине души, вопреки всякому здравому смыслу, она надеялась, что Дима снова появится в её жизни.

По дороге к Наташе, её остановила Галя, молодая девушка, работающая почтальоном. – На ловца, и зверь бежит, – сказала она, поравнявшись с Таней. – Ты мне, как раз и нужна. Телеграммка тебе, получи и распишись. Таня думала, что телеграмма от мамы, но взглянув на бланк, растерялась. Там были только три слова. « Еду, встречай. Антон ». – Что, женишок едет? – рассмеялась Галя. – Угу, – озабоченно сказала Таня. Где и когда встречать, было не ясно. Да и встречать, как то не хотелось. Какой чёрт меня за язык тянул? И зачем я сказала «приезжай»? – запоздало корила себя она. Не зря сказано, язык мой, враг мой. Мой, точно мне враг, болтает, не посоветовавшись с головой. Может послать ему телеграмму, чтобы не приезжал? Наконец, она догадалась внимательно посмотреть на бланк. Телеграмма отправлена из Москвы. И куда она ему напишет? Москва, вокзал, Антону? Кто будет его там искать? Может он уже сидит в поезде, идущем на Киев?

Подруга, прочитав телеграмму, обрадовано сказала: – На-

конец! Поздравляю! Давно пора. – Ты так говоришь, будто мне тридцать лет. А мне будет только двадцать. – А ты считаешь, что двадцать, это мало? – А ты считаешь, что много? – Девушки, товар быстро портящийся. Пока берут, надо идти. А то останешься в старых девах, и будешь никому не нужна. – Поэтому ты поспешила выйти замуж? – Я не пойму, чем ты недовольна? Парень едет из такой дали, значит любит. А ты кочевряжишься. Радоваться надо, что тебя так любят.

Родная тётка, узнав о телеграмме, тоже восторженно сказала: – Это надо же, как он тебя любит! В такую даль за тобой поехал! – Да, – подтвердила бабушка, – видать, любит. И никто не спросил саму Таню, любит ли его она?

То, что она сказала «приезжай», по её мнению, накладывало на неё обязательства. Лишь теперь она в полной мере осознала, что практически дала согласие выйти замуж за Антона. А, может, и правда, согласиться? Может, со временем Дима забудется и всё пройдёт? Какая, собственно разница, с кем жить, если не с Димой? – вертелась она всю ночь в постели, пытаясь найти решение.

На следующий день Шарик громким лаем сообщил о том, что у калитки посторонний. Таня вышла во двор. Увидев Антона, направилась к нему. А пока шла, кто-то невидимый кричал ей на ухо: – Отправь парня домой! Это не твоё. Отправь его! И тут же кто-то другой с упрёком сказал: – Отправишь, опозоришь парня. Он ехал к тебе такую даль! Са-

ма же сказала ему «приезжай». И что он скажет своим родителям, что девушка его обманула? Она представила, как неловко он будет себя чувствовать, и жалость мягкими коготками царапнула её сердце.

Антон не обратил внимания на то, что Таня шла, не очень быстро, что её глаза не сияли от радости, а лицо было напряжённым. – Привет! – сказал он. – Привет. – Вот, приехал, примешь? У девушки не хватило решительности сказать «нет», и она открыла калитку: – Проходи.

Бабушка, увидев избранника внучки, сказала своей дочери: – Он такой молодой. Как родители его отпустили? – Может, он выглядит моложе своих лет? – предположила Танина тётка.

Взяв у бабушки некоторые вещи, они с Антоном отправились жить в дом Тани. Там остались стол и стулья, а так же добротная деревянная кровать, доставшаяся им от прадеда.

На следующий день подали заявление на регистрацию брака. А пока ждали приезда Таниной мамы. – Я не знаю, как мама отнесётся к тому, что мы поженились. Честно говоря, я её немного боюсь, – сказала однажды Таня. – Твоя мама знает о том, что я поехал сюда. Я ей сказал перед отъездом об этом. А вот моим родителям надо написать. Они не знают, где я. – Как не знают? – удивилась Таня. – Я сказал им, что поехал поступать в институт. От этого признания Таня так растерялась, что не нашлась что сказать. Ей и в голову не приходило, что можно поехать жениться, не сказав об этом родителям. – Так напиши, а то они будут переживать, – сказала она, а сама подумала о том, что знай, она об этом раньше, её решение было бы другим.

Пожилые одинокие соседки с любопытством наблюдали за молодой семьёй. С первых дней семейной жизни, Антон показал себя, как рачительный хозяин. Он поправил покосившийся забор, отремонтировал, болтавшуюся на одной петле, дверь туалета, скосил траву в саду. Ему было приятно увидеть удивленную и обрадованную тещу, оглядывающую свою усадьбу, по возвращении в родное село.

– Повезло Таньке. Не прогадала. Хоть и молодой, но рукастый, – судачили соседки у колодца. О себе и муже Таня стала думать примерно так же.

Они оба устроились работать на птицефабрику, расположенную по соседству с их селом. Он, заведующим складом стройматериалов, она, кассиром-бухгалтером.

Ко времени рождения их первенца Саши, им дали две комнаты в семейном общежитии. Антон самостоятельно сделал ремонт, и привёл жену с младенцем в выкрашенное, оклеенное обоями, чистое жильё, обставленное нехитрой, но качественной мебелью, отчасти купленной на декретные деньги, а отчасти изготовленной собственноручно, Антоном. Материалы для этого были на складе, а умения ему было не занимать. Жизнь вошла в ровную, налаженную колею, с семейными радостями и заботами. Образ Димы постепенно стал таять, и совсем исчез из памяти Тани. Вскоре, у них родилась ещё и дочь. Её называли Лизой. Женщина была довольна и, наверное, даже счастлива.

А Антон, почувствовав себя единовластным хозяином, как-то незаметно стал расслабляться. Он много читал. Читал в свободное время на работе, читал дома после работы. Его маленького оклада им хватало лишь на еду и на самые необходимые вещи. Жили от зарплаты до зарплаты. Частенько приходилось брать деньги у мамы, и это стало напрягать, но деликатная Таня не решалась сказать об этом мужу.

Антон уехал на рыбалку с ночёвкой и должен был вот-вот вернуться. Солнце уже приблизилось к горизонту, и его последние лучи озаряли комнату, вызывая чувство покоя и особенного уюта. Таня, уставшая, но довольная, металась из кухни в комнату, одновременно готовя ужин и развлекая детей. Укутав кастрюлю в большое полотенце, чтобы не остыл ужин, присела на диван и стала кормить Лизу. Скрипнула дверь и в дом вошёл хозяин. – Жена, принимай улов! – крикнул довольно, и бросил на пол садок с рыбой.

За ужином он с увлечением рассказывал, какую вкусную уху сварил его друг, как они хорошо посидели под звёздами, как он поймал самую большую рыбу, а потом спросил: – Ты мои книги в библиотеку отнесла? – Нет, я не успела. – А что я завтра буду читать? – У тебя так много свободного времени и на работе и дома, ты бы мог поступить в институт на заочное обучение. Я бы тебе помогала писать контрольные работы. – Зачем мне эта головная боль? – По окончании мог бы стать начальником цеха или гаража, смотря, что тебе больше по душе. – На кой мне это надо? – Зарплата была бы выше. – Родители доставали с этим учением, а теперь ещё и ты! Меня и так всё устраивает. Таня вздохнула. Сказать мужу прямо о том, что их семейный бюджет не устраивает её, она опять не решилась.

Поужинав, Антон немного поиграл с детишками и завалялся на диван с книгой в руках, а она принялась за мытьё посуды, а затем стала гладить выстиранное бельё. Стрелки часов приближались к двенадцати, когда она перечистила рыбу и, почистив зубы, упала на кровать. Антон отложил книгу, выключил настольную лампу и повернулся к жене.

Его рука настойчиво шарила по её груди, а у неё не было сил открыть глаза. – Прошу тебя, не сейчас. Я так устала, – прошептала она и стала погружаться в сон. – Устала! От чего ты устала?! Ты что, в шахте работала, или таскала тяжёлые мешки целый день? Он оттолкнул жену и с недовольным сопением повернулся к стене.

Родив двоих детей, Таня не получала особого удовольствия от секса, но признаться в этом, не решалась, боясь обидеть Антона. Она не подозревала, что ему тоже казалась холодной, а жалобы на усталость, он считал только притворством и желанием им манипулировать.

В комнате стрекотала швейная машинка. Антон ушивал рубашку. Подогнав её по фигуре, он вертелся перед зеркалом. Таня вернулась от Наташи и, стоя в дверном проёме, смотрела на мужа. – Как, нормально? – спросил он, имея в виду свою рубашку. – Нормально. – А ты где была? – У Наташи. Они сегодня приехали. – Они куда, в Москву ездили? – В Москву они ездили в прошлом году, а в этом, в Ленинград. Там так красиво. Я смотрела фотографии. Может, мы тоже съездим? – Что?! А деньги где? – Мы можем, как все, завести подсобное хозяйство. С кормом проблем нет. – Не хватало ещё со свиньями возиться. – Тогда можно посадить клубнику. Земли у мамы хватает. А тётя Лида говорила, что с семи соток, можно заработать на машину за один год. – На фига мне это надо! Таня вздохнула. – Тогда давай сэкономим. – И на чём мы будем экономить? – Можно мяса и колбасы есть меньше. – Ещё чего! Если хочешь посмотреть Ленинград или Москву, купи открытки, они в каждом киоске продаются, и смотри. А я в отпуск поеду к родителям. Таня снова тяжело вздохнула: – К родителям, так к родителям, – согласилась она, а про себя отметила, что муж не советовался с ней, как бывало раньше, а ставил в известность. Как-то незаметно инициатива в их семье перешла к Антону. Семейным бюджетом распоряжался в основном он. Сам за-

купал продукты, и не жалел на еду денег, поскольку любил хорошо поесть. Что и кому с этой полочки купить из одежды, они обсуждали вместе, но ездил за покупками он. Пока она была в декретном отпуске, деньги были в руках у Антона.

Получив премиальные и отпускные, набив чемодан подарками, Антон с Сашей уехали в Казахстан. Таня не указывала мужу на свои собственные потребности, наивно полагая, что он сам видит, что ей необходимо. И довольно часто чувствовала себя обделённой. Мягкая, и покладистая, приученная к терпению и к постоянному отсутствию денег в семье, в которой росла, она и сейчас смиренно терпела.

Антон вернулся в очень радостном настроении. – Родители так хорошо меня встретили! Накрыли стол, гостей пригласили по случаю моего приезда. Я думал, они на меня сердятся, а они обрадовались и не ругались за то, что я уехал, не поставив их в известность. А Сашу они как полюбили! Баловали его всё время и даже просили, чтобы я оставил его у них жить, – спешил поделиться с женой он, распаковывая чемодан. – Навсегда? – Ну да. – Ты что? Я бы тебя убила. Полетел бы обратно за ним. – Ну, я и не оставил. Родители живут уже не там, где раньше, а в Алма-атинской области. Там такое огромное село! Большой двухэтажный детский сад, такая же школа, больница своя. Не просто амбулатория, а стационар. Дороги заасфальтированы, в магазинах всё есть, – делился Антон впечатлениями от поездки и вдруг заявил – Я хочу жить там. – Как? – уставилась на него Таня. – Что, как? – А мы? – И вы со мной. – Я уже там была, больше не хочу. – Я же тебе говорю, они переехали. К тому же родители собираются взять машину, а кто на ней будет ездить? Отец, вряд ли, братишка ещё мал, так что ездить буду я, ну и ты со мной. – Но мы должны получить квартиру. Мы ведь первые на очереди. А дом уже построен, распределение квартир будет буквально на днях, – пыталась возразить ему Таня. – Плевать мне на твою квартиру. Там мы получим целый

дом и двор в придачу. Не хочу я здесь жить, понимаешь? Не хочу. – А моя мама? – А что твоя мама? Захочет, переедет к нам тоже.

Некоторое время Таня сопротивлялась, но Антон был настойчив, и она, не выдержав натиска, согласилась на переезд. Мама, услышав такую новость, заплакала: – А как же я, дочка? Я же здесь одна одинёшенька. – Мама, не расстраивайтесь. Мы обустроимся, и, если вы захотите, то переедите к нам.

2. На чужой сторонushке, рад родной воронushке.

Автобус катился по раскалённому асфальту. За окнами виднелась неприглядная, выгоревшая от солнца степь. В салоне было жарко, пахло пылью и выхлопными газами. Измученные долгой дорогой дети, уснули, их личики покраснели от жары. – Далеко ещё? – время от времени спрашивала Таня. – Нет, скоро приедем, – в который раз отвечал Антон. А автобус всё катился и катился, подминая под себя асфальт.

В конце концов, впереди показался зелёный тополиный остров среди жёлтого песка и бурой травы. – Подъезжаем, – сообщил Антон.

Автобус затормозил возле высокого бетонного забора, и пассажиры стали выходить, ступая в мягкую пыль по краям асфальта. Таня не успела оглянуться, как кто-то потянул её к себе, и услышала голос: – Здравствуйте! С приездом! Сестра Антона поцеловала Сашу и Лизу. Они перекинулись несколькими фразами, обычными в таких случаях, и двинулись по пыльной улице села.

Дом, в котором жили родители Антона, был просторным и чистым. Нельзя сказать, что он был особо богато обставлен, но было видно, что и нужды здесь не знали. В просторной кухне стоял большой самодельный стол. Для такой большой семьи был нужен именно такой. Кухонный гарнитур советского производства был совсем новый. В самой

просторной комнате, именуемой залом, стояла так называемая «стенка», мягкий уголок и телевизор. Обстановка была обычной. Почти в каждом доме можно было увидеть, практически, то же. Отличием мог быть только огромный ковёр на стене и такой же по размерам, на полу. В остальных комнатах обстановка соответствовала их назначению, но в каждой комнате висели на стенах и лежали на полах красивые ковры из натуральной шерсти.

– Приехали? – встретила их на пороге худая, такая же черноволосая, как и сын, мать Антона. – Отнесите чемоданы в последнюю комнату, там вы будете жить, и идите кушать – сказала ровным голосом она.

Бэла, сестра Антона, поставила на стол галушки и салаты из свежих овощей. Свекровь вместе с ними не села, а стала позади невестки, чуть сбоку. Не такую невестку она хотела. Она мечтала, что сын выучится, будет работать на хорошей должности, станет общаться с руководством, как его отец. А потом женится на дочери какого-нибудь начальника. А эта что? Голь перекатная. Порядочные, живущие в достатке люди, по переселению не ездят. Двоих подряд родила, чтобы крепче привязать Антона. А он такой молоденький, ребёнок ещё сам, а двое детей на шее. Хоть бы с виду была красавица, а то ни кожи, как говорят, ни рожи. И из-за неё их сын не получил высшего образования! Не в силах сдерживаться, она метнула взгляд, полный ненависти, в сторону снохи. Та не показала, что её с силой толкнули в спину. Она непро-

извольню оглянудась, и свекровь скрылась в другой комнате.

Особой радости по поводу их приезда не наблюдалось. Мать не обняла сына, не поцеловала внуков, это удивило. Может, вечером, когда придёт с работы отец, они все соберутся за столом, отметят их приезд, и она сможет убедиться в том, что родственники действительно им рады.

Наступил вечер. Услышав, что отец во дворе разговаривает со свекровью, Таня с мужем поспешили ему навстречу. Плотный, коренастый мужчина мыл руки под умывальником, приколоченным к стене веранды. Он сдержанно поздоровался с сыном, а на робкое «здравствуйте» снохи, ответом был лишь ледяной взгляд, обдавший холодом с головы до ног. Молодая женщина под этим убийственным взглядом непроизвольно съёжилась. – Стерва, узнала о том, из какой семьи Антон, (о себе он был очень высокого мнения) и окрутила этого несмышлёного сопляка, – думал он. – Знала, что здесь никто ему жениться не позволит, поэтому и уговорила уехать. Тварь!

После ужина она вызвалась помыть посуду, а Антон с родителями пошёл смотреть телевизор. Очутившись в зале, отец сказал: – И что в ней есть такого, из-за чего стоило ехать к ней такую даль, да ещё в такие молодые годы? Одна шкура да кости. Была бы хоть красавица, или дочь достойных родителей, я бы ещё смог понять. – Молодой и глупый был. Думал, наверное, лучше неё нет, – ехидно сказала мать. – Вот что я тебе скажу, дурак ты, сынок, – подвёл итог отец.

И Антон почувствовал одновременно обиду на родителей, и досаду на Таню, за то, что не сумела понравиться.

На следующий день все члены семьи собирались в кино. В клубе регулярно демонстрировались новые фильмы. Дети оставались с Тamarой, она одна не хотела идти со всеми. Таня надела светло-зелёный костюмчик, присланный из Канады тётей, накрасилась, красиво уложила волосы. Антон стоял рядом с Таней во дворе, дожидаясь, пока соберутся родители. Мать вышла первой. Остановившись возле детей, глянула на сноху. – Ой, я была молодой, кровь с молоком. Грудь, как кубышка, нога подо мной, как литая, а худому, какая красота! – сказала она, смерив взглядом сноху. Антон как-то криво усмехнулся, а Таня опустила глаза. Она понимала, свекровь не прямо, косвенно даёт понять сыну, что недовольна его выбором. Вдруг вспомнилась рассерженная мама. Вспомнились её слова: – Ешь хорошо, а то посмотри на себя – худая, маленькая. Наташа вон на голову выше тебя и грудь, и попа у неё уже, как у взрослой женщины, а ты на кого похожа? Не вспомнилось почему-то то, что замуж ещё до Антона её звали три парня. Не вспомнилось, что так, как её любил мальчишка из параллельного класса, любили не многих. Он, везде, где только было можно, писал «Женя + Таня = Любовь. Угощал её конфетами, дарил цветы, дрался с парнями старше него, пытающимися ухаживать за ней, и смотрел на неё такими влюблёнными глазами! А она за это его просто ненавидела. Ей, почему-то, было стыдно от того,

что о его чувствах к ней знала вся школа, включая учителей. И когда он по школьному двору катился на велосипеде, стоя на сидении одной ногой, а другую, выпрямленную поднимал, делая «ласточку», и к ней оборачивались со словами: «Это он для тебя и ради тебя так выпендривается», она была готова его убить. Сейчас, почему-то это не вспоминалось. Сейчас она сама себе казалась некрасивой, какой-то ущербной и чувствовала себя несчастной,

Отдохнув недельку, Антон решил, что пора выходить на работу. – Пойдёшь ко мне на машинный двор слесарем, пока другой работы нет. Закончил бы институт, работал бы начальником. Вовка в этом году окончил институт, будет в городе работать архитектором, а ты слесарем, и всё из-за кого? Отец при каждом удобном случае старался задеть самолюбие сына. – Слесарем, так слесарем, – скрепя сердце, согласился Антон.

В первый день работы отец приказал перенести железо, кучей сваленное на машинном дворе, поближе к воротам. Его скоро надо будет грузить, чтобы отправить на металлолом. Антону, привыкшему к чистой работе заведующим складом, было не очень комфортно на виду у шоферов и трактористов, выполнять неквалифицированную, грязную работу, но деваться некуда.

Была половина двенадцатого, когда он перенёс последние железки. – Я закончил. Что ещё делать? – спросил отца. – Можешь идти на обед, – недовольно буркнул Николай Васильевич.

Домой он пришёл на полчаса раньше обычного. Дети, игравшие во дворе, бросились к нему с радостными криками. – А мама что делает? – спросил он у Саши, но тот только пожал плечами. Антон вошёл в дом. Жены не было ни на кух-

не, ни в их комнате, ни в зале. Антон заглянул в комнату младших сестёр. Таня мыла пол, а сёстры-старшеклассницы лежали на кровати с книгами в руках. – Почему ты здесь моешь пол? – удивился он. Таня пожала плечами, не зная, что сказать. Она мыла потому, что сёстры Антона не выказывали желания помыть пол сами. А она не решалась качать права, потому что не работала, и, чувствуя неприязненное отношение к себе, считала себя обязанной отрабатывать хлеб насущный. – Почему вы лежите? – спросил Антон уже у сестёр. – А что?! – с вызовом ответила ему Бэла. Обида на отца, усталость, вызвали вспышку гнева. – Я сейчас покажу вам, что! Я вам что, прислугу привёз? С этими словами он схватил швабру из рук жены, и огрел, ею Бэлу. Девчонки соскочили с кровати и бросились сами мыть пол, а Таня стала накрывать на стол. В комнате потемнело. Она глянула в окно. Ветер, будто тёмную кисейную ткань, нёс мелкую пыль, заволакивая ею всё вокруг. – Что это?! – вскрикнула Таня. – Пыльная буря. Антон не проявил ни капли беспокойства. – Там же бельё! Я же постирала недавно! А дети! Дети на улице! Она бросилась во двор. Лиза, закрыв лицо руками, стояла в тёмной туче пыли и плакала. Саша и Алина, отплёвываясь, вбежали на крыльцо. Таня схватила плачущую Лизу и понесла в дом, собирать бельё уже не имело смысла. Такого она не ожидала. Антон, расхваливая здешние места, умолчал о пыльных бурях, о нестерпимой жаре, о полчищах комаров.

Вечером мать выслушала жалобы дочерей с холодным

блеском в глазах. Ревность в её сердце разыгралась с ещё большей силой, и она пожаловалась мужу на то, что Таня, скорее всего, науськивает Антона на родню. Тем же вечером отец предложил сыну съездить порыбачить на канал.

Они закинули удочки. Отец сел на корягу и подозвал к себе Антона. Пыхтя сигаретой, он спросил: – Ты мне скажи, ты мужик, или кто? – Мужик, – не понимая, куда клонит отец, сказал Антон с недоумением. – А почему тогда Танька крутит тобой, как хочет? – Почему это она мной крутит? – Ты сегодня из-за неё избил родных сестёр. – Прямо избил! Стукнул раз и всего-то. – Ты молодой и глупый ещё. Сёстры – это твоя родная кровь, а кто твоя Танька? Сегодня она тебе жена, а завтра неизвестно. Бабе, сынок, потакать нельзя. Она сядет на голову и ноги свесит. Будешь носиться с ней, как с писаной торбой, она тебе же рога и наставит, помянёшь моё слово. Бабу надо держать в чёрном теле, чтобы у неё на чужих мужиков времени не было и сил. Я её насквозь вижу! Голодранка, и пройдоха! Бабу настоящий мужик вот где держит, а слюнтяи, такие, как ты, рога носят. Ничего с ней не случится, если вымоет полы и у твоих сестёр. Не велика барыня. На то она и сноха. Запомни это, а то будешь каяться, да будет поздно.– И после небольшой паузы, добавил: – Она чужая, а мы – родные. Никогда не ссорься с роднёй из-за бабы. Ей, ведь только этого и надо. Она будет постоянно настраивать тебя против нас, будет крутить тобой, помыкать, да ещё и посмеиваться, считая дурачком. Да хоть бы баба,

как баба, было бы на что посмотреть, ни груди, ни задницы, что ты в ней нашёл? (О том, что мать Антона худая, плоская и не очень красивая, не вспомнил ни отец, ни сын.) Антон молчал, понурился головой. Бабе только раз уступи, и всё, будешь, как тряпка, вытрет ноги и пойдёт дальше. Ты, понял меня? Антон кивнул. – Смотри, держи её вот так, – отец показал сыну сжатый кулак. Не становись посмешищем. Не иди у неё на поводу, как телёнок. В семье мужик главный. Баба должна детей рожать да дом в порядке содержать. Мужик должен сразу характер показать, а ты, сестёр бить.

Прошло несколько дней. Таня гладила рубашки мужа в своей комнате. Неожиданно раздался плач дочери Тамары. Она прислушалась. – Меня Саша по пальчику ударил! – ревела Алина. – Иди, скажи тётё, она в своей комнате. Иди, – направила внучку свекровь к Тане. До сих пор Алина, так звали племянницу Антона, была единственным ребёнком в этом доме. И теперь ревновала Сашу и Лизу к старикам. Особенно цеплялась к Саше. То ущипнёт, то толкнёт, то укусит, пройти мимо, не зацепив двоюродного брата, было выше её сил. А когда Саша давал сдачи, бежала жаловаться. Свекровь отправляла внучку к Тане, рассчитывая, что та сама накажет сына. И Таня в угоду свекрови, наказывала Сашу, хотя понимала, что его реакция вполне оправдана.

Дверь в комнату отворилась и на пороге появилась зарёванная Алина. Как некую драгоценность она держала перед собой указательный палец правой руки. – Тётя, меня Саша палкой по пальчику ударил. Таня осмотрела палец: ни синяка, ни царапины. – Алина, ты сама задеваешь Сашу первой. Он тебя не трогает, не трогай и ты его. – Палец болит, он меня ударил, – продолжала ныть Алина. – Хватит! Я не стану снова наказывать Сашу, потому что ты сама виновата. – А-а-а, – изо всех сил заревела племянница мужа, стараясь добиться желаемого. Таня рассердилась. – Уходи, не зли ме-

ня, невоспитанная девчонка, – не сдержалась она. В тот же миг, будто стоял под дверью, появился свёкор. Лицо его исказила гримаса ненависти и злобы. – Она будет меня учить, как воспитывать детей! Посмотри-ка на неё, – медленно цедил он слова и шёл прямо на неё. Таня оцепенела. Злые глаза свёкра, сузившиеся в щёлочки, впились в неё, будто хотели просверлить. Она понимала, что он сейчас её ударит, но не могла пошевелиться, ноги, будто приросли к полу.

– Отец, остановитесь! – вбежала в комнату Тамара и попыталась удержать его, но тот оттолкнул дочь, и продолжал надвигаться на Таню. – Благодать тут нашла! Спит она здесь днём! Это было правдой. Стояла сильная жара. К тому времени, когда Таня укладывала детей спать, вся работа в доме была сделана, и все не работающие члены семьи устраивали себе сиесту. Работа во дворе, начиналась тогда, когда становилось прохладней, и она не видела ничего предосудительного в том, что позволяла себе вздремнуть, как и все.

Услышав шум, в комнату влетел Антон. Мигом, оценив обстановку, он закрыл Таню собой, а подоспевшая к этому времени свекровь с дочерью потащили разгневанного мужчину из комнаты. Когда за ними захлопнулась дверь, Антон повернулся к жене: – Что ты ему сказала? – Ему лично, ничего, – дрожащим голосом ответила Таня. В тот же миг дверь их комнаты снова приоткрылась и в щель просунулась голова свекрови. – Широколицые, все наглые, – с ненавистью глядя на сноху, крикнула она, и с силой хлопнула дверью. Таня за-

плакала. – Ладно, не плачь, перестань, – Антон, сжалившись, прижал её к груди. Это немного успокоило.

Таня, была будто с другой планеты. Чувство ненависти было ей совершенно чуждо. Откровенная агрессия свёкра вызвала не ненависть, а чувство глубокой обиды. Она не понимала, за что её так ненавидят родственники мужа. Ведь она старалась понравиться. Хваталась за любую работу, пытаясь угодить. Ей и в голову не приходило, что вину за то, что Антон не получил высшего образования, целиком и полностью возложили на неё, что считали её недостойной их сына. Только теперь в полной мере она осознала, как её здесь ненавидят, и какую оплошность совершила, поверив на слово мужу и приехав сюда. И что теперь делать? Возвращаться было практически некуда. У мамы дом очень маленький и старьёй, а квартиру на птицефабрике получили другие люди вместо них. Оставалось только одно, дожидаться, когда совхоз предоставит им своё жильё. Ей казалось, что как только они станут снова жить своей семьёй, всё изменится к лучшему.

То, что её попрекнули куском хлеба, заставило искать работу. Но в бухгалтерии рабочих мест не было, детский сад был закрыт на ремонт, в продавцах тоже не было нужды. И только когда закончилось лето, и началась уборка риса, на ток потребовались временные рабочие. Таня решила попробовать, хоть и понимала, что с её физическими данными, это будет трудновато. – Я за детьми смотреть не буду, – заявила свекровь, узнав о её намерении. – Ладно, пойду в ноч-

ную смену.

Ток был большим, с огромными кучами зерна. Словно большие жуки, между ними сновали машины, доставляя с полей обмолоченный рис. Рабочие провеивали его на зерноочистительных машинах. Работа была не сложной. Бери лопату и кидай, подталкивай, подсыпай зерно на ленту транспортёра. Смена длилась двенадцать часов, а добросовестная по натуре Таня, не умела хитрить и уваливать, и работала в полную силу. К концу смены она еле держалась на ногах. Мелкие усики от колосков, забились под одежду, тело чесалось, спину и руки ломило, и ужасно хотелось спать.

Придя с работы, она ставила греть ведро воды, чтобы помыться. Свекровь не снизошла ни разу до того, чтобы оказать такую услугу снохе. Пока вода грелась, не садилась. Знала, если сядет – уснёт. Как не уставала за ночь, но после 11 часов дня уже спать не могла. Сон её никто не берёт. Просыпались дети, бегали, кричали, взрослые разговаривали в полный голос. Какой уж тут сон? И хотя ей было невозможно трудно, до конца сезона, продержалась.

От недосыпания и тяжёлого труда она ещё сильнее похудела, и однажды, смерив её пренебрежительным взглядом с головы до ног, свёкор сказал, обращаясь к свекрови: – Она что, чем-то больная? Почему такая худая? – Нет, не больная. Просто тяжело работает, – ответила свекровь. – Здоровые люди от работы только поправляются, от работы аппетит

становится лучше, а она совсем дошла.

Обиду Таня «проглотила», не проронив ни слова. С выражением чувств у неё были проблемы с детства. Ещё восьмилетней девочкой её чуть не покусала собака подруги. Таня зашла во двор и тут увидела большую псину. Собака была не привязана, и с лаем кинулась на неё, выставя напоказ острые клыки. Она испугалась, но не закричала, не позвала на помощь хозяев, и не побежала. Медленно пятилась назад, а когда собака приближалась совсем близко, останавливалась. Собака тоже останавливалась, не понимая, на сколько силён, нарушивший границы её владений. Таня снова медленно пятилась к калитке, и пёс, с яростным лаем бросался в её сторону. Так продолжалось до тех пор, пока она не захлопнула калитку перед носом у собаки. И только тогда бросилась бежать, не забыв предварительно посмотреть, не видит ли кто её бегства. Её выдержке мог позавидовать взрослый. Но эта выдержка была продиктована не смелостью и бесстрашием перед злой собакой, а ложным чувством стыда. Ей казалось, что громко плакать и убегать, стыдно. И сейчас, возмутиться пренебрежением к себе, она не смогла. Обида, затаившаяся в душе, увеличилась в весе и давила на сердце с огромной силой, но, ни возмущения, ни слёз не выдавила.

Её взяли в детский сад воспитательницей. В селе другой работы просто не было, а до города 200 километров. Пришлось нарушить обещание, данное себе самой, никогда не работать педагогом. Здание детского сада, как и рассказывал Антон, было большим, двухэтажным. Методистка Светлана Никифоровна собрала в своём кабинете множество книг, различных пособий, и сама была готова всегда помочь воспитателям советом, или показать на примере, что надо делать и как. То, что у неё было двое детей, тоже облегчало её задачу. И дела её, хоть и не без трудностей, но, пошли не плохо, что удивило её саму.

А ещё они получили жильё. Целых полдома! Три комнаты, кухня, веранда, собственный двор и хозяйственные постройки, всё это теперь принадлежит им. Таня радовалась, как ребёнок, и порхала, как птичка, прихорашивая дом. Ей казалось, что всё плохое позади. В доме снова воцарится покой. Она ещё не знала, как ошибалась. Возможность это понять, представилась скоро.

Их пригласили на день рождения к другу Антона. Предвкушая возможность повеселиться, она надела новое трикотажное платье василькового цвета и предстала перед мужем. – Как тебе? – повертелась перед ним, ожидая комплимента. Антон глянул, и, будто воды плеснул в разго-

рающийся костёр, сморщив лицо, вяло сказал: – Ничё, – и тут же отвернулся. Женщина огорчённо вздохнула. Очувтившись в компании восточных женщин, празднично одетых, в ушах, на шее, на пальцах которых красовались золотые украшения с драгоценными камнями, она почувствовала себя не в своей тарелке. Одно единственное золотое колечко, подаренное ей когда-то давно мамой, она умудрилась потерять, а больше приобрести так ничего и не удалось. Но к ней отнеслись очень приветливо, и она почувствовала себя уверенней.

Когда гости были уже сыты, а тосты произнесены, хозяйка пригласили всех во вторую, освобождённую от мебели комнату, и включили магнитофон. Начались танцы. Антон и за столом мало обращал внимания на жену, а тут, казалось, и вовсе о ней забыл. Он приглашал танцевать других женщин, не достаивая жену даже взглядом. А когда зазвучал вальс, и все мужья пригласили своих жён, Антон ушёл курить. Таня сиротливо стояла у стены одна.

– Почему ты меня ни разу не пригласил на танец? – спросила она мужа, дома. Антон просто взорвался от негодования. – Чем ты вечно не довольна? Что тебе не нравится? – То, что ты не уделял мне внимания. – Там что, людей больше не было? Я, может, запрещал тебе танцевать с другими мужчинами? – возмущался он. – Но мне хотелось с тобой. – Как мне уже всё осточертело! Надоела твоя вечно кислая рожа! – У меня кислая рожа? – А что, нет? – зло глянул на неё

муж, и плюхнулся на кровать. Таня почувствовала, что вот-вот заплачет, и вышла из комнаты.

Она не понимала, почему он так изменился. Ведь ещё не так давно вступался за неё перед родственниками. А, может, он прав? Дима меня не любил, и он не любит, потому что я не умею радоваться жизни. Со мной скучно. В последующие дни она старалась вести себя как можно непринуждённое, смеялась, шутила. Но, муж остался недоволен опять. – Я не понимаю, какого чёрта тебе так весело? – с ненавистью спросил он. И она поняла, что если тебя не любят, чтобы ты не делал, тебя всё равно не любят.

Теперь, возвращаясь с работы, она всегда видела висячий замок на их двери. Антон приходил домой не раньше половины одиннадцатого вечера. После работы он шёл к матери и валялся там, на диване, включив телевизор. – Молодец! – говорил отец матери, указывая на сына. – Окрутила, теперь пусть покрутится сама. Пусть пашет, раз захотела замуж. А Таня, вернувшись с работы, топила печь, качала из колонки воду, кормила поросят, варила ужин и выполняла прочую необходимую работу, вроде стирки и глажки.

По субботам, у родителей собирались друзья и играли в карты. Таня помогала свекрови готовить ужин. – Пельменей хочу, – сказал Антон, заглянув в кастрюлю, и приказал жене: – Завтра приготовишь пельмени. – О! Мы завтра тоже к вам придём на пельмени, – оживился друг Антона. – Так что готовьте и на нашу долю.

Таня утром замесила тесто, сделала фарш, и стала будить мужа. Помоги мне, пожалуйста. Пельменей нужно много, придут твои друзья со своими семьями. Я одна не справлюсь. Антон повернулся на другой бок и натянул одеяло повыше.

Минут через пять Таня повторила попытку разбудить мужа. – Вставай, уже половина одиннадцатого. Помоги мне, пожалуйста, – и стала стягивать с него одеяло. – Отстань, – сказал муж и, схватив одеяло, укрылся с головой. – Если не встанешь, я оболью тебя водой. Антон проигнорировал угрозу. Тогда она набрала в литровую эмалированную кружку воды, и плеснула на мужа. Он молнией соскочил с постели, и, размахнувшись, ударил её кулаком в лицо. Не ожидавшая подобной реакции Таня, отлетела и упала на кровать, стоявшую у противоположной стены. А Антону было этого мало. С видом разъярённого тигра он шел к ней. И тогда она запустила в него кружку, которую всё ещё держала в руке. Кружка, ударившись о подставленную руку Антона, упала на пол. Но это его только раззадорило. Он, со сжатыми кулаками, продолжал надвигаться на жену, и его вид не обещал ничего хорошего. К счастью, на подоконнике окна, у которого стояла кровать, оказался утюг, и она, недолго думая, схватила его. С криком « тронешь, убью!», женщина замахнулась на мужа. И он остановился

Таня понимала, что переборщила с водой, но то, что муж может её так ударить, явилось неприятной неожиданностью. Немного остыв и обдумав ситуацию, она подошла к Анто-

ну. – Прости за то, что я вылила на тебя воду. Но запомни, в любом случае, чтобы, ни случилось, если ты ещё раз меня ударишь, я воду вскипячу. И не кружку, а целую кастрюлю. Дождусь, когда ты не будешь ждать, и вылью тебе на голову. Выжгу глаза, чтобы было неповадно. Сяду в тюрьму, но бить себя не дам. Ты всё понял? – пригрозила она. Антон не ожидал ничего подобного от спокойной и терпеливой жены. Это его огорошило. – Дура! Ещё сделаешь это на самом деле, – сказал он. – Можешь не сомневаться, сделаю.

Антон относился к ней всё холоднее, всё чаще пропадал у родителей. А она всё чаще в снах бродила то в овраге, поросшем могучими дубами, расположенном за их садом, где рвала необыкновенно большие светло-голубые колокольчики, собирала маленькие, словно бусинки бисера ягоды земляники, то бродила в светлой берёзовой роще, расположенной с другой стороны их дома, за огородом, любуясь полянками, густо покрытыми белыми ромашками, будто спустившимся на траву лёгким облачком. Всё чаще в мыслях она возвращалась в родное село, мыла ноги в чистой воде ручья, слышала пение соловья в их саду. Скучала по маме и по подружкам. И чем холоднее относился к ней Антон, тем сильнее одолевала её тоска.

Она лежала на диване с книгой в руках. Время близилось к полуночи, а муж где-то пропадал. Явившись, наконец, домой, он подошёл к жене и остановился рядом с ней. Она подняла на него глаза. – Слышь, я хочу тебя спросить, ты слу-

чайно, не гермофродитка? – ехидно улыбаясь, спросил Антон. Она чуть не уронила книгу. – Антон, ты в своём уме? Как ты можешь такое говорить?! – А почему у тебя такая маленькая грудь? – пытался уязвить её муж. – Да, у меня первый размер бюстгальтера, ну и что? Ты что, забыл, что я родила тебе двух детей и выкормила вот этой самой грудью?! И этой грудью в роддоме кормила чужого ребёнка, потому что у его грудастой мамы не хватало молока, а у меня было в избытке!

Чего-чего, а такого она не ожидала. – Что я здесь делаю, никому не нужная, нелюбимая? Уеду к маме. Как-нибудь проживу и без него, решила она и подала заявление на увольнение с работы.

Сообщение о её отъезде, Антон воспринял спокойно. – Хорошо, завтра поедем за билетами. Я до осени доработаю, а потом приеду тоже, – к её огромному удивлению, заявил он. Она хотела сказать, что не хочет, чтобы он приезжал, что в её сердце нет никаких чувств к нему, но в тот миг, когда слова уже были готовы слететь с её уст, будто по приказу кого-то невидимого, в комнату вбежал Саша. Он прильнул к отцу и тот ласково погладил его по головке. Она не сказала ни «да» ни «нет», но была уверена, что муж не приедет. Разве можно думать по-другому, после сказанного накануне?

Антон проводил их в аэропорт. Таню с детьми пропустили в самолёт в первую очередь. Они уже расположились, а посадка пассажиров ещё продолжалась. И вдруг! Тане показалось, что её ударила молния! Сердце отчаянно заколотилось. Между рядами кресел, по проходу шёл Дима. Он остановился возле ряда перед ними, сверился с билетом и, почувствовав её взгляд, посмотрел на неё. Их глаза встретились. Они ещё не взлетали, а ей казалось, что она стремительно падает вниз. Он пробирался к своему креслу, которое находилось прямо перед Таниным, а она задыхалась от нахлынувших на неё чувств. – Почему же так стучит сердце? Неужели я всё ещё люблю его? – думала она. То ли желая удостовериться, что это именно, Таня, то ли просто желая с ней заговорить, Дима повернулся к ней, и спросил: – Вы в Караганду летите? – Нет, в Киев. Дима был совсем рядом. Ей хотелось закричать: я соскучилась! Я люблю тебя! Я не могу без тебя! Но она молчала.

В Караганде самолёт садился на дозаправку, и Таня надеялась, что ей удастся поговорить с Димой в аэропорту. Но, во время полёта дети уснули, и стюардесса предложила ей не покидать самолёт. А он вышел и растворился в темноте ночи.

3. Замок на песке.

Антон приехал уже через месяц. Тёща, не посвящённая в тонкости отношений между дочерью и зятем, обрадовалась. Детишки радостно запрыгали, увидев отца, повисли у него на шее. Только Таня не испытала никаких положительных чувств. Когда они остались одни, холодно спросила: – Зачем приехал к гермофродитке? – Ой, перестань. Я тогда пошутил. Хотел приколоться. – Да? А если я приколюсь над тобой подобным образом? – Ну, хватит! Раздуваешь тут! – зло сказал Антон, перекладывая вину за их неудавшиеся отношения на неё. И она, как впряжённая лошадь, потащила опостылевшую телегу семейной жизни дальше.

Антон снова устроился на птицефабрику, а Таня – библиотекарем в своём селе. Жили в мамином маленьком домике, часть семьи спала на раскладушках, но, как любила говорить мама, в тесноте, да не в обиде. Соседи, друзья и немногочисленные родственники не упрекали Таню в легкомыслии. – Жаль, конечно, что не получили квартиру на птицефабрике, но вы ещё молодые, ещё получите, – успокаивали они.

Таня снова забеременела. – Аборт, и только аборт, – узнав об этом, категорично заявил муж. Она и сама понимала, что избежать ей этого не удастся. В мамином домике в одну ком-

нату для такой большой семьи места не хватало. Она расстроилась. Для неё это слово означало одно: убийство. Материнский инстинкт у неё был настолько силён, что она стала ненавидеть своё тело. И, если бы на это согласился муж, навсегда отказалась бы от секса. Но с мужем приходилось считаться, а, как она уже успела понять, он, ни в чём, что касается удовольствий, ограничивать себя не собирался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.